

РАНХиГС

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГОСУДАРСТВО
И ПРАВО

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ

18 / 11

И.Н. Барциц

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПАТРИОТИЗМ

*Четыре европейские реинкарнации
и российская версия*

М О С К В А • 2 0 1 8

Научные доклады: государство и право

Игорь Барциц

**Конституционный патриотизм:
четыре европейские реинкарнации
и российская версия**

«РАНХиГС»

2018

УДК 342
ББК 67

Барциц И. Н.

Конституционный патриотизм: четыре европейские реинкарнации и российская версия / И. Н. Барциц — «РАНХиГС», 2018 — (Научные доклады: государство и право)

ISBN 978-5-7749-1416-6

В докладе применительно к интересам и потребностям конституционно-правового развития России раскрывается содержание теории конституционного патриотизма. Особо внимательно рассматриваются взгляды немецких правоведов и философов как родоначальников данной правовой теории. На основе подробного анализа зарубежных источников, раскрывающих содержание и предназначение конституционного патриотизма, опыта обращения к данной концепции применительно к задачам государственного развития целого ряда стран, формирования общей идентичности Европейского союза исследуются перспективы его применения в государственно-правовой доктрине Российской Федерации и за рубежом.

УДК 342

ББК 67

ISBN 978-5-7749-1416-6

© Барциц И. Н., 2018

© РАНХиГС, 2018

Содержание

Введение	6
«Отцы-основатели» доктрины конституционного патриотизма и Юрген Хабермас	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Игорь Нязбеевич Барциц

Конституционный патриотизм: четыре европейские реинкарнации и российская версия

Конституционные принципы могут укорениться в сердцах граждан, уже имеющих хороший опыт демократических институтов и привычку к условиям политической свободы. Так они учатся – в господствующем национальном контексте – понимать республику и ее Конституцию как достижение. Без исторического, сознательно сформированного видения патриотические узлы, исходящие из Конституции и связывающие с ней, не сложатся. Так как эти узлы, например, связаны с гордостью успехами движения за гражданские права.

Ю. Хабермас¹

Самое острое, что я слышал, – это чтение нашей Конституции по радио – страшно будоражит и делает человеком. Это сильнее Чехова и Достоевского... Художественным произведением вы можете восторгаться, наслаждаться, любоваться, даже питаться, но не можете требовать его для себя... К тому, что в Библии, надо стремиться, очищаться, улучшаться, и вы всегда в начале пути. Когда бы вы не открыли и в каком бы месте. Для Библии вы должны измениться. Для Конституции – нет. Нет! Нет!

М. Жванецкий²

© ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2018

Введение

Среди задач преодоления неопределенностей государственного развития России значимое место занимает поиск государственной (национальной) идеи. Как правило, этот поиск сводится к сетованиям на отсутствие государственной идеологии, что, в свою очередь, вменяется в вину Конституции Российской Федерации 1993 года. Оправдывая бесполезность потуг формирования идейных основ развития государства и принципов взаимодействия государственных институтов и институтов гражданского общества, ссылаются на конституционное закрепление идеологического многообразия и конституционный запрет на установление некоей идеологии в качестве государственной или обязательной (ст. 13 Конституции РФ).

Общепризнанным стало понимание, что, отвергнув с разрушением советской формы государственности практически весь перечень советских символов, идеологических ценностей, культурных легенд и социальных мифов, пришедшая к власти в начале 1990-х годов управленческая элита и поддерживавшие ее интеллектуалы не смогли предложить обществу достойной идейной замены. В ходе многочисленных дискуссий о новой национальной идее России так и не удалось сформировать того набора ценностей, которые в новых экономических условиях могли бы конкурировать с ценностями общества потребления. Хотя объективно трудно что-то противопоставить призывам купить больше машин в год на тысячу населения, съесть больше тонн мороженого, мяса, овощей (перечень можно продолжать по номенклатуре товаров справочника товароведа).

Но в том-то и парадокс, что, восприняв идею потребления, российское общество не может этим удовлетвориться, оно продолжает нуждаться в иных целях. Задача выработки новых государственных ценностей до сих пор не решена. Отказавшись от «за Родину! за Сталина!», Россия объективно не может вернуться к триаде «Православная вера. Самодержавие. Народность»³. А жить во имя и умирать за ценности конституции, республики, демократии, права человека и гражданское общество в нашей стране как-то не принято.

Наглядно подтверждает подобное признание исследование Института социологии Российской академии наук «О чем мечтают россияне». Среди основных ориентиров российского общества – с праведливостью⁴. Более того, отмечается существенный приоритет «справедливости» над «правом» в восприятии россиян. Выделяя в качестве основных две компоненты, образующие «образ идеального будущего: 1) государство, государственное и внутривнутриполитическое устройство страны; 2) социально-экономический строй, цивилизационные и культурные ценности»⁵, – авторы доклада демонстрируют полную неспособность к анализу государственно-правовых составляющих, концентрируясь на социально-экономических аспектах. Термин «конституция» не упоминается в докладе ни разу, само понятие «право» приводится лишь в контексте «прав человека», «равных прав для всех». Чем вызвано подобное игнорирование конституционно-правовых ценностей, самой концепции правового государства: непониманием конкретных социологов или же действительной незначимостью для российского общества?

³ «Углубляясь в рассмотрение предмета и изыскивая те начала, которые составляют собственность России (а каждая земля, каждый народ имеет таковой Палладиум), открывается ясно, что таковых начал, без коих Россия не может благоденствовать, усиливаться, жить, имеем мы три главных: 1) Православная вера. 2) Самодержавие. 3) Народность», – так изложил принципы государственной идеологии Российской империи С. С. Уваров в своем докладе «О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения» (19 ноября 1833 г.) Николаю I при вступлении в должность министра народного просвещения.

⁴ О чем мечтают россияне (размышления социологов): аналитический доклад (подготовлен в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации). М.: Институт социологии РАН, 2012. С. 30–41.

⁵ О чем мечтают россияне (размышления социологов): аналитический доклад. С. 42.

Практически общепризнано, что Конституция сыграла существенную стабилизирующую роль: Конституция Российской Федерации – основной символ новейшей истории России – объективно способствовала выходу страны из тяжелейшего государственно-правового кризиса осени 1993 года. Была ли закрепленная Конституцией 1993 года победа одних политических сил над другими безоговорочной? Вряд ли. За принятие Конституции высказалось 58,43 %, против – 41,57 % проголосовавших. Но при этом «да» Конституции сказали 32 937 630 участников всенародного голосования, при том что российский электорат на тот момент включал 106 170 835 граждан России (в голосовании приняли участие 58 187 755 человек, или 54,81 % граждан, имеющих право голоса). Была ли победа абсолютной? Однозначно да. Сработал мажоритарный принцип – победитель получает все. Именно победители 12 декабря 1993 года определили направление развития России в новейшей истории. Именно Конституция 1993 года задавала политические и государственно-правовые рамки развития страны, ее экономики, формирования гражданского общества, демократических начал.

Закрепив сложившееся в начале 1990-х годов в России соотношение политических сил, Конституция Российской Федерации обозначила конституционно-правовые принципы разрешения основных проблем российской государственности, среди которых были:

- 1) несоответствие природы государственного устройства России задачам сохранения территориальной целостности и однородности правового пространства государства;
- 2) отсутствие единства в определении как внешних территориальных пределов современного российского государства, так и принципов его внутригосударственного деления;
- 3) недостаточная степень интеграции российского общества: этнической, политической, социальной;
- 4) несовершенство системы государственного управления;
- 5) отсутствие юридических механизмов, обеспечивающих единство государственной власти страны.

Преодолению названных проблем во многом и была посвящена новейшая конституционная история России.

Конституция 1993 года как основополагающий политико-правовой документ выполняет различные функции, под которыми понимаются основные направления ее действия. Прежде всего она выполнила свою учредительную функцию в обоих ее пониманиях: во-первых, были образованы новые властные институты; во-вторых, уже существовавшие получили подтверждение своей легитимности и были наполнены новым содержанием.

Стал очевиден цивилизационный выбор России, конституционно закрепившей в качестве цели построение демократического правового социального государства. Конституция Российской Федерации 1993 года учредила в стране демократическую модель организации государственной власти с учетом принципа разделения властей в его функциональном понимании, сформировала необходимый для государственного развития каркас институтов власти. Конституция как акт учредительной власти создала и придала легитимный характер не только государственным институтам, но и институтам экономики, институтам гражданского общества.

Но в том и состоит особенность конституционного регулирования, что конституция и развивающие ее нормативные акты закрепляют конституционные доктрины и по преимуществу формальные правовые институты – правовые статусы и организационные структуры. Сама конституция и формируемый ею конституционный строй нуждаются в системе мер общегосударственной, общенациональной, общегражданской поддержки. Такая система мер предполагается теорией конституционного патриотизма.

Здесь следует отметить определенные исторические параллели между принятием Основного закона Федеративной Республики Германии в мае 1949 года и Конституции Российской Федерации в декабре 1993 года. Россия принимала свою Конституцию в условиях поражения, правда, не в «горячей», а в «холодной» войне, в условиях разрушения формировавшейся

тысячелетие государственности, жесточайшего экономического кризиса, необходимости преодоления последствий тоталитарного коммунистического режима. Схожесть политических и исторических условий принятия основополагающих конституционных актов ФРГ 1949 года и Российской Федерации 1993 года наряду с исторической привязанностью России к германским правовым теориям и моделям обуславливает внимание к идее конституционного патриотизма в качестве привлекательной объединяющей основы как для Российского государства, так и для ее граждан.

«Отцы-основатели» доктрины конституционного патриотизма и Юрген Хабермас

Конституционный патриотизм в виде осмысленного понятия впервые прозвучал в послевоенной Германии – стране, разделенной сначала на оккупационные зоны, а затем и на два враждебных друг другу государства, стране, сформировавшей великую государственно-правовую теорию, но не имевшей в то время ни возможности, ни смелости воспользоваться многими из своих юридических конструкций.

Единоличным отцом-основателем теории конституционного патриотизма нередко ошибочно представляют германского философа Юргена Хабермаса, скрупулезно раскрывшего ее элементы в работе «Гражданство и национальная идентичность»⁶. Хотя сам Ю. Хабермас благородно и вполне обоснованно отдает приоритет формулирования понятия «конституционный патриотизм» (*Verfassungspatriotismus*) двум своим соотечественникам – Карлу Ясперсу (1883–1969) и Дольфу Штернбергеру (1907–1989)⁷.

Именно в работе профессора философии Гейдельбергского университета, «Учителя Германии» («*Praeceptor Germaniae*»)⁸ Карла Теодора Ясперса «Вопрос вины» («*Die Schuldfrage*») (1946), «*The question of German guilt*» (1947))⁹ исследователи находят истоки доктрины конституционного патриотизма. Ясперс считал, что Германия не сможет восстановить свою государственную национальную идентичность, если не возьмет коллективную ответственность за прошлое. В «постоянно оспариваемой памяти» («*continuously contested memory*») Ясперс увидел основу новой национальной солидарности немцев¹⁰.

Отвергая принцип «коллективной вины» немецкого народа, Ясперс расценивал проблему вины как «жизненно важный вопрос для немецкой души. Никакой другой путь не может привести нас к духовному возрождению <...> То, что победители нас осудили, – политический факт, который имеет значительные последствия для нашей жизни, но это не помогает нам в решающем вопросе, в нашем внутреннем духовном возрождении. Здесь мы имеем дело с самими собой»¹¹.

В 1966 году Карл Ясперс так проанализирует двадцатилетие, прошедшее после поражения Германии во Второй мировой войне:

В 1945 г. перед нами стояла нравственно-политическая задача основать новое государство. Эта задача до сих пор не выполнена. Федеративная

⁶ *Habermas J. Staatsbürgerschaft und nationale Identität // Faktizität und Geltung. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1992; см. также: Habermas J. Citizenship and National Identity: Some Reflections on the Future of Europe // Beiner R. (ed.) Theorising Citizenship. Albany: SUNY Press, 1995. P. 255–282; Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. Oxford: Polity, 1996; The Inclusion of the Other. Cambridge: Polity, 1998; Reply to Symposium Participants: Benjamin N. Cardozo School of Law // Rosenfeld A. and Arato A. (eds.) Habermas on Law and Democracy. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1998. P. 381–444; The Postnational Constellation: Political Essays. Cambridge: Polity, 2001; Why Europe Needs a Constitution // New Left Review. 2001. 11: 5–26; The Divided West. Cambridge: Polity, 2006; A Political Constitution for the Pluralist World Society? // Brown G. W. and Held D. (eds.) The Cosmopolitan Reader. Cambridge: Polity, 2010. P. 267–288.*

⁷ Дольф Штернбергер – ученик Ханны Арендт (выросшая в Кенигсберге немецко-американский философ еврейского происхождения). Ханна Арендт – ученица Карла Ясперса (при нацистах был лишен звания профессора, моральный лидер немецких философов в послевоенное время) и Мартина Хайдеггера (убежденный член НСДАП с 1933 по 1945 г., прошел денацификацию). Ясперс после 1933 г. утверждал, что не имеет ничего общего с Хайдеггером. Запутанность взаимоотношений немецких философов подтверждает романтическая интеллектуальная переписка М. Хайдеггера и Х. Арендт. См.: Арендт Х., Хайдеггер М. Письма 1925–1975 и другие свидетельства / пер. А. Григорьева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016.

⁸ Неофициальный титул «Учитель Германии» закрепился в германском дискурсе за Филиппом Меланхтоном (1497–1560), но, учитывая вклад К. Т. Ясперса в развитие науки, многие его коллеги сочли возможным называть его так же.

⁹ *Jaspers K. The question of German guilt. New York: The Dial Press, 1947.*

¹⁰ Müller J.-W. Constitutional Patriotism. Princeton: Princeton University Press, 2007. P. 16–18.

¹¹ *Jaspers K. The question of German guilt. P. 28.*

Республика Германии¹² хотя и создана немцами, но по заданию союзников. Некоторые из этих немцев были уполномочены на то ими, а не немецким народом¹³.

На Основной закон наложило отпечаток воспоминание о несчастьях времен нацизма, он учитывает обстоятельства, приведшие к 1933 г., возлагает вину на Веймарскую конституцию и предусматривает меры... к неповторению этого. Поэтому его... ведущая идея – недоверие к народу¹⁴.

Ясперс обозначает важнейшие для понимания конституционного развития Германии факторы, которые надлежит иметь в виду и при оценке формирования и применения в Германии доктрины конституционного патриотизма:

а) не умаляя роли Веймарской конституции для развития конституционализма в Германии, ее вклада в конституционно-правовую мысль и конституционный опыт, обращение к опыту и наработкам Веймарской конституции считалось недопустимым, учитывая, что именно ее правовые процедуры обусловили возможность легального прихода фашизма к власти;

б) Основной закон ФРГ 1949 года является в известном смысле навязанным правовым документом, его конструкции были разработаны и приняты в условиях разделения Германии на оккупационные зоны, более того, оккупационные власти оказывали на этот процесс самое прямое и непосредственное воздействие;

в) Основной закон принимался в условиях национального поражения: недоверия к стране и ее народу со стороны держав-победительниц и соседей.

Авторству Д. Штернбергера принадлежат и сам термин «конституционный патриотизм», и его раскрытие. Он обуславливает выживание демократии готовностью граждан защищать ценности своей демократической конституции, для чего необходима идентификация граждан со своей конституцией, то есть чувство конституционного патриотизма. При этом требования конституционного патриотизма как бы вычлениваются из более широкого политического и культурного контекста, выделяются основные, универсальные принципы, обязательства лояльности которым и предъявляются гражданину.

Понятие «конституционный патриотизм» – своеобразный подарок Д. Штернбергера ФРГ на ее тридцатилетие: 23 мая 1979 года, в день основания Федеративной Республики Германии и вступления в силу Основного закона страны (1949), в газете «Frankfurter Allgemeine Zeitung» он публикует статью «Verfassungspatriotismus» («Конституционный патриотизм»)¹⁵. Размышляя о «патриотических чувствах к конституционному государству» Штернбергер уже значительно раньше (в 1959 году), а чуть позднее ввел труднопереводимое на русский язык понятие «Staatsfreundschaft», предполагающее дружеское, братское отношение человека к государству, включающее «страстную рациональность» их взаимоотношений, при котором граждане рассматривают свою национальную идентичность через чувство привязанности к демократическому государству (ну, как-то так, если в двух словах)¹⁶.

В своей первой инкарнации конституционный патриотизм есть патриотическая приверженность демократической «конституции» Западной Германии.

Штернбергер прообраз конституционного патриотизма находит в эпохе, предшествовавшей созданию национальных государств. Вполне логично, что в эпоху донациональных государств нельзя говорить о патриотизме подданных в отношении таковых. Из вполне логичного

¹² Следует обратить внимание на важную лингвистическую деталь: до 1990 года в СССР ФРГ именовалась «Федеративная Республика Германии», что подчеркивало наличие «другой» Германии – Германской Демократической Республики. С 1990 года аббревиатура «ФРГ» раскрывается как «Федеративная Республика Германия».

¹³ Ясперс К. Куда движется ФРГ? // Карл Ясперс. М., 1969. С. 66.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Sternberger D. Verfassungspatriotismus [Constitutional Patriotism] // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1979. May 23.

¹⁶ Sternberger D. Staatsfreundschaft [Schriften IV]. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1980.

тезиса тем не менее следует чрезмерно идеалистический вывод, что патриотизм до создания национальных государств (по сути до конца XVIII века) основывался на общем отношении населения к законам (вероятно, понимаемым в контексте традиционного обычного права) и неким общим свободам. Идеализм конструкции обусловлен тем, что в основу своего тезиса Штернбергер положил аристотелевскую традицию философии, которую в формате республиканизма проводила учитель Штернбергера Ханна Арендт. Таким образом, Штернбергер приводит нас к выводу, что доктрина конституционного патриотизма возвращает, если угодно, в исходное состояние, во времена, когда еще не существовало национализма в формате «кровного» этнического родства. С подобным идеализмом чрезвычайно трудно согласиться, ведь исторический опыт большинства народов приводит яркие доказательства, что в донациональную эпоху патриотизм выражался в не менее, если не более, страшных, жестоких и кровавых формах, а объединяющим началом служили чрезвычайно разнообразные феномены, но уж никак не «право», «свободы», «ценности».

От подобного приукрашивания истории оказался свободен Ю. Хабермас в своем формулировании принципов становления «посттрадиционного общества». Он предлагает не возвращение к донациональным формам сосуществования людей, а переосмысление национальных (этнических) традиций в пользу принципов универсализма. На вопрос, где же найти подобные универсальные, объединяющие членов общества принципы, Хабермас отсылает к конституционным положениям и конституционным нормам, что ни в коей мере не означает уход от национальных традиций, религиозных взглядов, социальной философии того или иного общества, а, напротив, предполагает переосмысление, переживание, просеивание этих взглядов, традиций, философий в контексте их соответствия конституционным ценностям. В ходе просеивания возможно, что одна часть взглядов и традиций будет сохранена и они будут продолжены в постнациональном обществе, а другая останется в сите истории, общество должно будет их помнить, но обращаться к ним лишь за поддержкой правильности вывода об избавлении от них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.